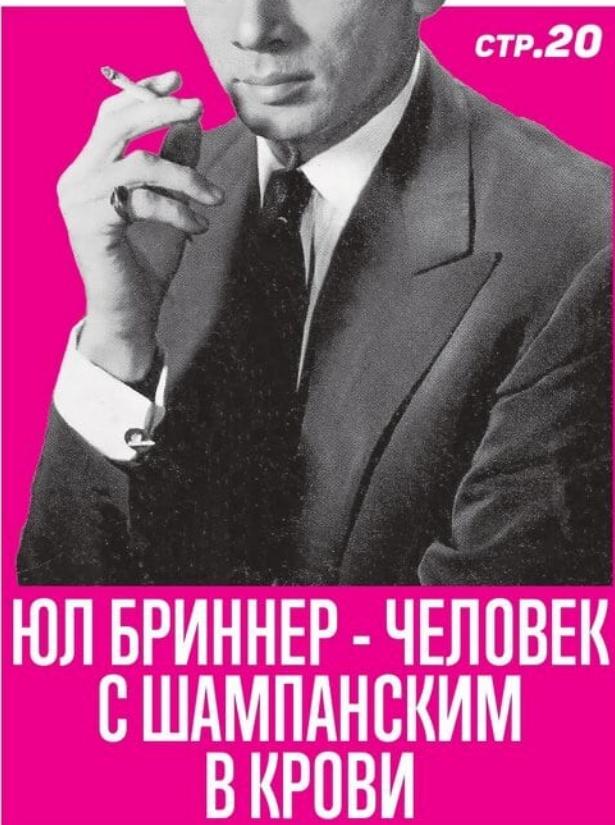

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ЖИЗНЬ, КАК КИНО

«А. Н. Толстой в гостях у художника», картина Петра Кончаловского

1941
П. Кончаловский

ПИСАТЕЛЬ, ГРАФ, АГЕНТ...

Кроме группы куйбышевских писателей во главе с Артемом Весельм, которые намеревались, заложив бомбу в букет цветов, взорвать Молотова во время первомайской демонстрации прямо на трибуне мавзолея, в Куйбышеве был обезврежен Георгий Венус.

Геннадий Норд

Венус - этнический немец, в Первую мировую войну ставший кавалером Георгиевского креста. В «гражданскую» он воевал в составе Добровольческой армии, и раненым был вместе с госпиталем эвакуирован в Константинополь, а по выздоровлении перебрался в Германию.

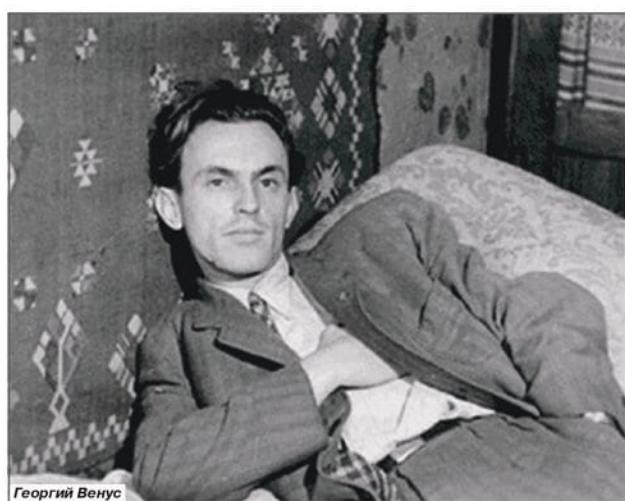
В Германии он взялся за перо.

В 1921 году в среде русских эмигрантов зародилось движение, противоположно направленное идеи активного противоборства с Советской Россией. Оно получило название «сменонеховство», произошедшее от названия журнала «Смена вех», который был рупором идеологической базы этого движения.

Часть сторонников этого движения сочли для себя правильным возвратиться на родину и виться в ряды строителей социализма.

В 1925 году подал заявление в советское посольство в Берлине на возвращение на родину и Венус. В 1926 году он уехал с семьей в Ленинград.

Венусу благоволил Горький. Он стал членом Союза писателей.

Георгий Венус

Власть относилась к нему подозрительно, и в начале 30-ых его выслала из Ленинграда за 101 км.

Зашитил репатрианта другой репатриант, флагман «сменонеховства» Алексей Толстой, с которым Венус был знаком по Берлинскому этапу своей эмиграции.

В 1935 году Толстому снова пришло вступаться за Венуса. Тот был арестован в Ленинграде, в связи с недавним убийством Кирова. Благодаря вмешательству Толстого и Корнея Чуковского Венуса освободили из-под стражи и сослали в Куйбышев, а не в казахстанский Иргиз, как предполагалось изначально.

В январе 1938 года он отправился в управление НКВД, чтобы забрать рукопись второй части романа «Молочные воды», изъятую при обыске у редактора Куйбышевского издательства Терехова, и на свободу больше не вернулся.

Судя по материалам протокола допроса Венуса, в НКВД его толкнула нужда. Он испытывал отчаянные материальные затруднения, которые намеревался исправить, продав только что написанный роман.

Из квартиры Венуса чекисты изъяли его переписку с Максимом Горьким и Алексеем Толстым.

Последний, узнав об аресте Венуса, снова попытался вступиться за него. Он написал наркомвнеделю Ежову; написал, не зная, что НКВД собирает материалы и на него самого.

Протокол допроса обвиняемого Венуса Георгия Давыдовича от 8 августа 1938 года, от начала и до конца посвященный исключительно Алексею Толстому, рассказывает об этом более чем красноречиво.

Следователь Коган и не пытался скрыть того, чего он хочет добиться от допрашиваемого.

- Что вам известно компрометирующее о Толстом за период пребывания его в Берлине? Кто приезжал к Толстому из Берлина? С кем он поддерживал связь из лиц, связанных с заграницей? Роман Гуль был знаком с Толстым?

Гуль - эмигрант, который после отъезда Толстого из Берлина на родину сменил его в должности редактора газеты «Накануне».

Ему в сверстанном следствием сценарии отводилась роль то ли резидента немецкой разведки, то ли связного.

Совершенно очевидно, следователь пытался наскрести информацию, творчески переработав которую, можно было бы обвинить Толстого в шпионаже в пользу Германии.

У следователей не было тогда возможности заглянуть в википедию, иначе они бы узнали, что Гуль после прихода национал-социалистов к власти в Германии летом 1933 года подвергся аресту, как русский эмигрант, написавший книгу о русских террористах, и был заключён в концлагерь.

К моменту допроса Венуса Гуль был уже во Франции и опубликовал документальное повествование о своём пребывании в концлагере «Ораниенбург: Что я видел в гитлеровским концентрационном лагере» (1937).

Другой группой заданных Венусу вопросов следователь стремился поплотнее привязать Толстого к «активному контреволюционеру» Венусу.

После того, как Венус рассказал следователю обо всех, делающих честь Алексею Толстому, фактах помощи незадачливому репатрианту, в том числе,

Роман Гуль

и материальной, чекист постарался зафиксировать в показаниях и мотивы Толстова.

- Как к вам относился Толстой? Чем вы объясняете, что Толстой принимал в вас такое горячее участие? О несогласии с препрессией против вас Толстой говорил?

Следователь, видимо, посчитал, что поймал за хвост жар-птицу, когда Венус рассказал:

- Толстой искренно считал меня советским человеком, который «сменил вехи». Толстой посоветовал мне написать широкое развернутое заявление в Наркомвнудел Ягоде.

Напомню читателю, что к моменту допроса Венуса Ягода из главы НКВД обернулся шпионом, вредителем и террористом.

Процедуру написания и передачи письма Венуса Ягоде при посреднической помощи Чуковского следователь зафиксировал в протоколе допроса в мельчайших подробностях.

Характер заданных Венусу вопросов по этому эпизоду не оставляет места для сомнений в том, что это письмо следователя трактует как канал шпионской связи.

То, что тучи над головой Алексея Толстова сгустились, подтверждает и рассказ Фадеева:

- Меня вызвал к себе Сталин. Встал из-за стола, он пошел мне навстречу, но сесть меня не пригласил, я так и остался стоять. Он началходить передо мною:

- Слушайте, товарищ Фадеев, вы должны нам помочь.

- Я коммунист, Иосиф Виссарионович,

а каждый коммунист обязан помогать партии и государству.

- Что вы там говорите - коммунист, коммунист. Я серьезно говорю, что вы должны нам помочь, как руководитель Союза писателей.

- Это мой долг, товарищ Сталин.

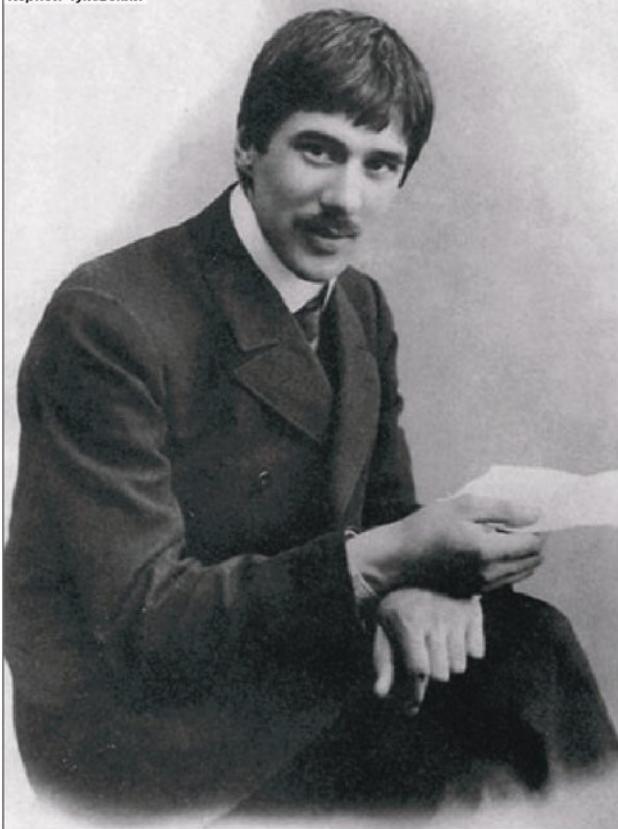
- Э, вы все там в Союзе бормочете «мой долг», «мой долг». Но вы ничего не делаете, чтобы реально помочь государству в его борьбе с врагами. Вот вы, руководитель Союза писателей, а не знаете, среди кого работаете.

- Почему не знаю? Я знаю тех людей, на которых я опираюсь.

- Мы вам присвоили громкое звание «генеральный секретарь», а вы не зна-

Окончание на с. 16

Корней Чуковский

Александр Фадеев

Илья Эренбург

Михаил Кольцов

Исаак Бабель

в Париже (1935) и в Мадриде (1937). Во время Гражданской войны в Испании командовал добровольческой эскадрильей на стороне республиканцев. После начала Второй мировой войны бежал из немецкого плена и руководил сначала партизанским соединением, а потом и армийской бригадой. В правительстве Де Голля он стал министром культуры.

Бабеля заложил Горький, правда, сам того не желая. В марте 1936 года он написал Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович, сообщаю Вам впечатления, полученные мною от непосредственного знакомства с Мальро.

Я слышал о нем много хвалебных и солидных обоснованных отзывов Бабеля, которого считают отлично понимающим людей и умнейшим из наших литераторов. Бабель знает Мальро не первый год и, живя в Париже, пристально следит за ростом значения Мальро во Франции. Бабель говорит, что с Мальро считаются министры и что среди современной интеллигенции романских стран этот человек - наиболее крупная, талантливая влиятельная фигура, к тому же обладающая и талантом организатора».

В своем последнем слове подсудимый Бабель заявил, что не признает себя виновным, так как шпионом он не был. Никогда ни одного действия он не допускал против Советского Союза и в своих показаниях он возвел на себя поклон.

Этот эпизод из следственного дела Бабеля я привел вам потому, что Мальро завербовал не только его.

Первым из видных Советских писателей с Мальро познакомился в 1932 году во время поездки во Францию Илья Эренбург. С его подачи в 1934 году Мальро приглашали принять участие в первом всесоюзном съезде советских писателей.

В СССР Мальро пробыл четыре месяца. В качестве переводчика его в поездке по стране сопровождала Болеслава Болеславская.

Он завел в Москве обширные связи: познакомился с Максимом Горьким, Алексеем Толстым, Борисом Пастернаком, Исааком Бабелем, Михаилом Кольцовым, Всеволодом Мейерхольдом, Соломоном Михоэлем, Александром Тайровым.

В ходе этой поездки Мальро сформировал об СССР мнение, которое характеризуют две ниже приведенные цитаты.

«То и дело говорят о подозрительности, недовери, с которым молодое советское общество, так часто оказавшееся в опасности, вынуждено относиться к человеку. Будем осторожны в словах: эта подозрительность распространяется только на отдельную личность. Что же касается человека вообще, то, напротив, доверие, оказываемое ему советами, быть может, самое большое за всю историю».

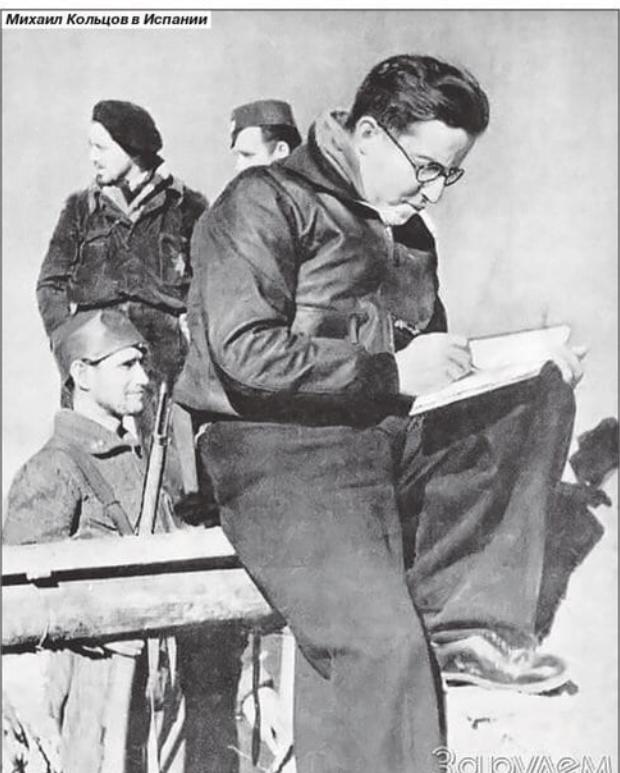
Любовь к детям сделала из них пионеров.

Женщина царской России, чье положение было, пожалуй, самым униженным и тяжелым в Европе, превратилась, благодаря доверию к ней, в советскую женщину, проявляющую сегодня поразительную волю и сознательность.

Трудом воров и убийц построен Бело-морканал. Из беспризорников, которые тоже почти все были ворами, созданы коммуны по перевоспитанию».

«Я считаю, что родилась новая цивилизация, когда главное горе эпохи вмоглось до ее достижения. Рабское унижение обернулось христианским спасением. Ненавистный для рабочих труд, который был формой их угнетения, теперь превратился в их достоинство. Только СССР стремится придать смысл труду, труду для всех. Именно через это страна вступает в новую цивилизацию, тогда как все предыдущие базировались на ценностях войн или созерцания. Ее надо защищать и идеино, и с оружием в руках, если она подвергнется нападению, если капиталистические нации вознамерятся ее разрушить, так как сегодня она - единственная надежда масс Западной Европы».

Тем не менее, енавязанные творцы склепали из Мальро резидента французской разведки, в шпионских связях с которым были обвинены позже расстрелянныи Мейерхольд, Бабель, Болеслав-

Михаил Кольцов в Испании

На допросе автор «Конармии» поведал следователю:

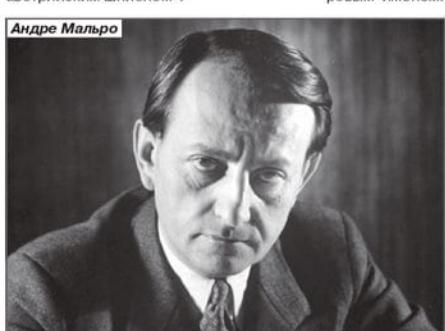
- В 1933-м, во время моей второй поездки в Париж, я был завербован для шпионской работы в пользу Франции писателем Андре Мальро.

В утверждении кем-то усытым и с трубкой сценарии Мальро отводилась роль резидента французской разведки.

А вообще, он был писателем с мировым именем. За написанный в 1933

году роман «Удел человеческий» Мальро была присуждена Гонкуровская премия. Эрнест Хемингуэй назвал эту книгу лучшей из всех книг, которую он прочёл за последние десять лет. Роман занимает девятое место в списке «100 книг века по версии Le Monde».

Мальро возглавлял общественное движение за освобождение Эрнста Тельмана и Георгия Димитрова. Участник антифашистских конгрессов писателей

Андре Мальро

Максим Горький

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ХЛЕБ

Алексей Толстой.
Первая публикация книги «Хлеб»

Юрий Анненков

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ПЕТР ПЕРВЫЙ

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕДРА»
МОСКОВА — 1930

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
ПЕТР I

ПЕТРОПОЛИС

Алексей Толстой, Первая публикация книги «Петр Первый»

Выявление фактов шпионской деятельности Алексея Толстого стало предметом допроса 31 мая 1939 года во внутренней тюрьме НКВД Михаила Кольцова.

Михаил Кольцов советский писатель, публицист и общественный деятель, журналист, заведующий Иностранным отделом Союза писателей СССР. Член-корреспондент АН СССР (1938).

Из стенограммы выступления Кольцова на I Всесоюзном съезде советских писателей, 22 августа 1934 года:

- Мы, сатирики, вовсе не претендуем на какие-либо специальные привилегии или на какие-либо прерогативы для сатирического жанра. Я слышал, что в связи с тем, что Алексей Максимович открыл 5 вакансий для гениальных и 45 для очень талантливых писателей, уже начались дебежки.

Кое-кто осторожно расспрашивал: а как и где забронировать местечко, если не в пятерке, то хотя бы среди сорока пяти? Говорят, появился даже чей-то проект: ввести форму для членов писательского союза. Писатели будут носить форму, и она будет разделяться по жанрам. Примерно: красный кант - для прозы, синий - для поэзии, а черный - для критиков.

Изначально: для прозы - чернильницу, для поэзии - лиру, а для критиков - небольшую дубинку. Идет по улице критик с четырьмя дубинками в петлице, и все писатели на улице становятся во фронт.

Руководитель Журнально-газетного объединения Кольцов был арестован 13 декабря 1938 года, расстрелян 2 февраля 1940 года.

Следователь:

- Назовите все известные вам шпионские связи Вожеля в Москве.

Михаил Кольцов:

- Московскими друзьями и осведомителями Вожеля являются: Михайлов - редактор «Журналъ де Москва», Мейерхольд и Толстой.

- Они вам известны, как агенты французской разведки?

Журналист пояснил:

- Первые два являются близкими друзьями Вожеля и постоянно информируют его по всем интересующим его вопросам. Были ли они официально завербованы французскими разведывательными органами мне не известно, а что касается Алексея Толстого, то я слышал, что он является агентом французской разведки.

В этой шпионской саге резидент французской разведки Мальро поведал Кольцову, а тот пересказал следователю, что Толстой был завербован французами и англичанами еще в период своей эмиграции, и что Толстой, используя поездки за границу, поддерживает свои прежние связи с русскими белогвардейцами, в частности, с Буниным.

Кольцов рассказал следователю:

- Толстой в Париже принимал в гости Вожеля, семью Шалиянина и невесту Горького. В 1937 году, приехав на второй конгресс писателей, Толстой в Париже поселился в отеле. В том же отеле поселилась и Будберг-Бенкендорф, известная по делу Локката, как агент Агентлидженс-Сервис. Толстой также дружил и был на короткой ноге с французом Вожелем, журналистом и предпринимателем, издателем иллюстрированных и модных журналов. Они, по словам Толстого, постоянно кутили вместе. Вожель был близок к полпредству, дружил с работающими в нем тогда Розенбергом и Гиршфельдом.

Люсиен Вожель был успешным издателем. Он был владельцем охотничье-го дома Людовика XIV «La Фезандри» в лесу Сен-Жермен, который стал излюбленным местом для посещения русскими эмигрантами и заезжими советскими писателями, журналистами и начальниками.

На восхитительных тусках в Фезандри бывали Маяковский, Андре Жид, Луи Арагон, Сергей Прокофьев, Илья Эренбург, Эльза Триоле, Поль Вайян-Купорье, Михаил Кольцов и еще две дюжины писателей, журналистов, художников, политиков, дипломатов, певиц, танцовщиц, прекрасных дам.

Максим Горький и Мария Будберг-Бенкендорф

Занесенное было лезвие гильотины над головой Алексея Толстого, в действие так и не привели.

Существует легенда, что Алексей Николаевич Толстой написал свой «Хлеб» за месяц, узнав от приятеля из НКВД о предстоящем аресте.

Социалистическое обязательство написать роман об обороне Царицына к двадцатой годовщине Великого Октября, то есть к 1937 году Алексей Толстой принял на себя 17 мая 1935 года в газете «Советское искусство».

Закончил «заказанную и насаждаемую повесть» по оценке собственной внучки Елены Толстой, ставшую до 1953 года этalonным произведением советской литературы, как и обещал, в 1937-ом. Более чем своевременно.

Алексей Толстой пишет пьесу на тему 1919 года: «Поход четырнадцати держав». Главные герои пьесы, по словам автора, Ленин, Сталин и Ворошилов.

«Образы Сталина и Ворошилова, овенные славой и героизмом, будут проходить через всю пьесу».

Биографы Толстого сходятся во мнении, что эти фальшивки стали для него своеобразной «охранной грамотой».

Во время одной из поездок в Париж, как раз в том самом 1937 году, «красный граф» за коньяком признавался художнику-иммигранту Юрию Анненкову:

- Я циник, мне на все наплевать! Я - простой смертный, который хочет жить,

хорошо жить, и все тут. Мое литературное творчество? Мне и на него наплевать! Нужно писать пропагандистские пьесы? Черт с ним, я и их напишу!

Рассказывая тому, как он переписывал «по велению партии» свой роман о Петре Первом, он тоже не скрывал своего приспособленчества:

- Я переписал заново, в согласии с открытиями партии, а теперь я готовлю третью и, надеюсь, последнюю вариацию этой вещи, так как вторая вариация тоже не удовлетворила нашего Иосифа. Тоже вику передо мной всех Иванов Грозных и прочих Распутиных реабилитированными, ставшими марксистами и прославленными. Мне наплевать! Эта гимнастика меня даже забавляет! Приходит, действительно, быть акробатом. Мишка Шолохов, Сашка Фадеев, Илья Эренбург (так он называет Эренбурга) - все они акробаты.

Такими были правила выживания. Талантливый писатель их правило понял, четко сформулировал, строго соблюдал и выкинул, что удалось не всем.

А Сталин прорезал писательское сообщество просекой, которая поражает воображение своей широтой.

Только размещенный в интернете список «Деятели культуры и искусства, репрессированные в СССР» содержит 775 фамилий.

И мне думается, не стоит осуждать «красного графа» за такое приспособленчество...

Алексей Николаевич Толстой

